

денных нами слов. Следует отметить, что степень освоенности польских фонетических заимствований в белорусском языке данной территории значительна.

¹ В статье употребляются следующие сокращенные названия источников: Н — газета «Нива»; Бж. — «Беларускі календар»; Б. — литературные альманахи «Белавесжа».

Е. Е. ЛИСОВСКАЯ

К ВОПРОСУ О СИНТАКСИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ СЛОВА *это*

При вхождении высказываний со значением темы в состав предложения неизбежно возникает вопрос о синтаксических средствах такого включения, в частности, вопрос о том, как квалифицировать слово *это*, которое чаще других выступает в подобной функции. Наиболее распространена трактовка *это* в данной роли как связки.

В представленных в лингвистической литературе взглядах на проблему связки (объем этого понятия, функции связок) можно выделить два основных направления. Первое — узкое толкование связки как глагольного слова, служащего для выражения модально-временных отношений в составном именном сказуемом, вплоть до выделения связки в особый морфологический класс служебных слов¹. Второе направление — расширенное толкование связки. Вот как определяет связку «Русская грамматика»: «Связка — это оторвавшаяся от парадигмы местоименного слова или глагола служебная словоформа, функцией которой является дополнительное указание на синтаксические отношения между компонентами предложения»². При таком понимании к связкам относятся слова не только глагольного происхождения. Наряду с *это* к связкам следует причислять, например, и местоимение *оно*, которое часто выполняет функцию, аналогичную *это*, в силу чего они становятся взаимозаменяемыми: *Думать, оно всегда полезно, даже хорошеньким и избалованным* (Н. Леонов). Ср.: *Думать — это всегда полезно. Работал я много, без выходных, но зато вечер — это уже мой* (Литературная газета, 1983, № 20). Ср.: *Вечер, он мой*. В результате добавления к глагольным связкам неглагольных границы связки как морфологического класса слов размываются, становятся неопределенными.

Существуют попытки «разграничивать» понятие категории копулятивности, сущность которой заключается в «связывании» знаменательных компонентов, и понятие синтаксической связки, назначение которой состоит в вербализации присвязочного члена»³.

Связка — обязательный компонент составного именного сказуемого. Отсутствие связки тоже значимо, оно служит показателем настоящего времени. Наличие же слова *это* факультативно. Оно может быть опущено, что свидетельствует о его особой роли в предложении, отличной от роли глагольной связки. Например: *Существительное — это изображение. Глагол — действие* (В. Катаев).

Но есть случаи, когда *это* в структуре предложения обязательно, когда оно конструктивно необходимо. Это примеры типа: *План это план*, а также: *Ложь — это было непростительно. Ложь — это будет непростительно. Ложь — это было бы непростительно*.

Единственно возможным средством связи является *это* в конструкциях, где на месте сказуемого стоит целая предикативная единица, оформленная в виде придаточного предложения: *Не первый увиденный грех весной самое главное, не скворец, а главное — это чтобы нога твоя встретила с землей; Поэзия — это чем люди живут и чего они хотят, но не знают, не ведают, и что надо им показать, как слепым* (М. Пришвин). В последнем примере возможна и связка *есть*, но обязательно с местоименным словом, служащим опорным компонентом, к которому присоединяется придаточная часть: *Поэзия есть то, чем люди живут...*

Много примеров, в которых отсутствует опорный компонент и это непосредственно вводит придаточную часть, можно найти в детской речи: *Лодырь — это человек, который делает лодки, а всадник — это который в саду; Начальная школа — это где начальники учатся?* (К. И. Чуковский).

Слово *это* в силу своей грамматической универсальности способно объединять самые разнородные, казалось бы, ничем другим не связуемые элементы. Оно употребляется даже тогда, когда говорящий еще не знает, что он скажет дальше, после *это* следует пауза для обдумывания: *Самое главное дело и самая скверная привычка в жизни, вредящая всему в каждом деле, это... это если зарисуетесь* (Ф. М. Достоевский).

Без *это* невозможны и высказывания типа: *Современный линкор — это вам не прежние корабли* (А. С. Новиков-Прибой). Здесь *это*, видимо, входит во фразеологизированное сочетание «*это тебе (вам) не...*», где *тебе* и *вам* являются семантически опустошенными словами. Ср.: «*Интернационал — это нам не песня, — говорил дед, — а плоть и сознание народа*» (В. Кожевников).

Очевидно, о связанном употреблении *это* можно говорить и в сочетаниях *это ладно, это так, (вот) это да!* Например: *Собака — это ладно. А вот змея укусит?..* (В. Шукшин); *Это что за музыка... Так, пустяки... Вот композитор Бетховен — это да!* (М. Шатров); *Золото в хоккее — это хорошо, но вот футбол — это вот бы да!* (В. Крупин). Рассмотрим последнее высказывание подробнее. В развернутом виде его вторая часть выглядела бы так: *Завоевать золотые медали в футболе — это было бы очень хорошо!* В речи этот замысел реализовался следующим образом: называется предмет сообщения (*футбол* — высказывание со значением темы), указывается на желательность действия (*бы* — синтаксическая частица, показатель сослагательного наклонения), дается оценка действию (*да!*). Все эти компоненты соединяются с помощью анафорического местоимения *это*. Если *это* — связка, служебное слово, оно должно быть лишено вещественного значения. Но *это* сохраняет свои свойства местоимения и именно в силу этого способно выполнять замещающую функцию.

Как квалифицировать *это* в следующих примерах? 1) *Ну, ограбление — это еще понятно, но гири! Почему вы украли у меня гири?* (И. Ильф и Е. Петров); 2) *Покой — это было что-то непонятное ему, расплывчатое*; 3) *Раскольников — это я знаю*; 4) *Падучую — это я знаю, а вот прыгучей ишо не видывала* (Е. Евтушенко). Во всех случаях *это* — анафорическое местоимение, выступающее как синтаксическое средство введения высказываний темы в предложение. Сами высказывания темы при такой трансформации в первых двух примерах можно рассматривать как подлежащее, во вторых двух — как дополнение, что наглядно выражено в последнем примере, где актуализированный член *падучую* — зависимая от глагола *знать*, управляемая форма.

Несмотря на то, что *это* чаще всего появляется в предложениях с нулевой связкой, оно встречается и в предложениях с полнопровными глагольными связками: *Способность в труднейших условиях неуклонно достигать цели — это и есть сильный характер* (В. Кожевников). *Это была большая радость — ее письмо* (Б. Окуджава).

Возможно одновременное употребление *это* не только с глагольными связками, но и с союзами *как, точно* и др., с частицей *вот*, которые часто тоже относят к связкам: *Шекспир — это как материк* (М. Пришвин); *Корова — это что прорва, всю жизнь жилы вытягивает* (В. Белов); *Увести жену врага — вот это, наверно, ужасно* (А. Арбузов). «Русская грамматика» относит такие сочетания к связочным образованиям, которые «наряду с соединительной функцией вносят в предложение дополнительный элемент своего конкретного лексического значения»⁴, например, идентификации (*это и есть*), сопоставления (*это как*) указательности (*вот это*), как в приведенных выше примерах.

Некоторые исследователи, отвергая трактовку *это* в рассматриваем

мых случаев как связки, считают более естественным «интерпретировать это как второе (вспомогательное) подлежащее»⁵, которое указывает на основное подлежащее, выделяя и подчеркивая его. При таком понимании данные предложения сближаются с сегментированными конструкциями, в частности, с именительным представлением: *Выбор — это душа поэзии* (В. Катаев); *Остаться совсем одному — это боль ножевая* (Е. Евтушенко).

Такая трактовка также вызывает возражения. Так, П. А. Лекант считает, что это не может рассматриваться как формальное подлежащее, потому что оно «выражает лишь отношение сказуемого к подлежащему (отношение отождествления). Для постановки это в позицию подлежащего необходимо вывести инфинитив за пределы структуры предложения — представить его в функции именительного представления»⁶. В. Г. Адмони приводит следующие доводы. Трактовке это как подлежащего, указывающего на предшествующее имя (именительный представитель), противостоит тире, которое противопоставляет первое существительное всему остальному составу предложения. Предикативное отношение внутри стоящего после тире отрезка становится подчиненным другому предикативному отношению, охватывающему все предложение в целом, включается в него. Появление связочного *это* объясняется тем, что нулевой связки недостаточно для образования предложений, в которых напряженность предикативных отношений достигает значительной силы. Необходимо введение в предложение «лексически выраженных компонентов, скрепляющих взаимоустремленность подлежащего и предикатива»⁷. Но ведь возможно и иное пунктуационное оформление рассматриваемых конструкций, когда тире ставится не перед *это*, а после него. Подобные конструкции часто встречаются в произведениях В. И. Ленина: *Толстовские идеи, это — зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания; В России реформисты, это — ликвидаторы, которые отказываются от нашего прошлого.*

Е. А. Земская считает, что в ряде конструкций роль указательного местоимения *это* приближается к роли связочной частицы-актуализатора, и видит главное специфическое его назначение в обслуживании актуального членения высказывания: в коммуникативном плане местоимение — это пограничный сигнал между темой и ремой высказывания⁸.

В русском языке существуют особые синтаксические конструкции, служащие специфическим средством выражения актуального членения. Например: *В сущности, чего мне всегда не хватает, так это юмора* (В. Белов); *Что меня еще захватывает, так это красота* (А. П. Чехов). Функциональное назначение этой расщепленной конструкции — «превращение выделенного члена предложения в асинтаксическую контрастную рему»⁹. Средством актуализации, выделения рематического компонента высказывания служит и указательная частица *вот*: *Современность — вот что привлекает читателей в публикациях нового московского альманаха* (Литературная газета, 1983, № 5); *Но Калина Иванович — вот с кого не спускал Петр глаз* (Ф. Абрамов). Это именно те случаи, когда в позицию именительного темы выносятся не тема, а рема высказывания.

Это может выноситься в абсолютное начало предложения: *Это грустное дело — езда в незнаемое* (Ю. Левитанский); *Это не показатель — частые появления в «Утренней почте» и других популярных телепрограммах* (Знамя юности, 1983, 21 сентября). «Предложения с таким порядком компонентов, при котором местоименное слово предшествует имени, могут рассматриваться как особая синтаксическая конструкция, в которой тема (подлежащее) повторяется дважды — непосредственно перед ремой и после ремы: после указания на предмет следует признак и далее собственно обозначение предмета»¹⁰. То же в отношении конструкций с инфинитивом: *Это мое счастье — радоваться солнцу так сильно* (М. Пришвин); *Это типичное пижонство — грабить бедную вдову* (Н. Ильф и Е. Петров).

Это может стоять в препозиции к имени или инфинитиву, но не выноситься в абсолютное начало предложения. Как правило, в роли сказуемых в этих предложениях выступают существительные с обязательным определением, так как сами они, эти существительные, имеют ослабленное конкретное лексическое значение: *Расчудесное это занятие — снегурей ловить* (М. Горький); *Легкая это штука — заднеумная философия* (Е. Евтушенко).

При инверсионном расположении компонентов возникают трудности в определении их синтаксических функций. В таких случаях это выполняет дифференцирующую функцию, «указывает на компонент, который является носителем логического ударения, и, следовательно, обладает предикативным значением»¹¹, т. е. выделяет сказуемое в составе предложения. «Русская грамматика» уточняет, что это выделяет не сказуемое, а ремю высказывания. «Указательное слово *это* связывает тему и ремю и стоит перед ремой — независимо от того, служит ли ремой сказуемое (*Истинное счастье — это прежде всего удач знающих*) или подлежащее (*Мое прибежище — это была работа*)»¹².

Кроме того, это может выделять ремю и внутри единого главного члена односоставного предложения. Речь идет о безличных предложениях, в которых главный член выражен безлично-предикативным словом с примыкающим к нему инфинитивом: *Знать как можно больше — это, конечно, полезно, но как можно лучше — важнее* (В. Кожевников); *А позвать Комиссаржевскую для «Чайки» — это было бы совсем недурно* (А. П. Чехов). Здесь «безлично-предикативное слово выполняет вспомогательную функцию, давая оценку названного инфинитивом действия или состояния с модальной (возможность, невозможность, необходимость, должествование), морально-этической, психологической или временной стороны»¹³.

При вынесении *это* в начало предложения его связочная функция «оказывается ослабленной или утрачивается совсем... отчетливо выступает местоименное (указательное) значение»¹⁴. Очевидно, то же происходит и при оформлении высказывания в виде вопроса: *Митя, огонь в тайге — это красиво?* (М. Шатров); *Что же, жалеть человека — это стыдно?* (В. Кожевников). Ср.: *Огонь в тайге — это красиво. Жалеть человека — это стыдно.*

Высказывание со значением темы, включенное в состав предложения, может представлять собой субстантивированное прилагательное или порядковое числительное (самое лучшее, самое большее, первое, главное, единственное и др.), часто с относящимся к нему придаточным предложением. Например: *Самое страшное в мире — это быть успокоенным* (М. Кулыничский); *Первое, что он поспешил сделать, прочтя рецензии, — это купить себе цилиндр, перчатки и модное пальто-размахайку* (К. С. Станиславский). В роли высказывания темы может выступать и указательное местоимение *то* с относящимся к нему придаточным предложением или же непосредственно само придаточное предложение: *Понимал, прекрасно понимал: то, как он живет, — это не жизнь, это что-то очень нелепое, постыдное, мерзкое* (В. Шукшин); *Что ты читаешь Достоевского — это похвально* (А. С. Новиков-Прибой); *Что конец напомянит «Дядю Ваню» — это беда небольшая* (А. П. Чехов).

¹ См.: Современный русский язык, ч. 2: Словообразование. Морфология. Морфология. — Минск, 1981, с. 372.

² Русская грамматика, т. II: Синтаксис. — М., 1982, с. 120.

³ Чеснокова Л. Д. О синтаксической функции связки. — В кн.: Филологические этюды. Сер. Языкознание, вып. 2. Ростов н/Д, 1976, с. 162.

⁴ Русская грамматика, т. II, с. 120.

⁵ Падучева Е. В. Значение и синтаксические функции слова *это* — В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1980. — М., 1982, с. 80.

⁶ Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. — М., 1974, с. 86.

⁷ Адмони В. Г. Нулевая связка, связочный глагол и грамматика зависимостей. — Вопросы языкознания, 1983, № 3, с. 37.

⁸ См.: Русская разговорная речь.— М., 1973, с. 266.

⁹ Падучева Е. В. Указ. соч., с. 79.

¹⁰ Русская грамматика, т. II, с. 287.

¹¹ Васильева И. Г. Роль указательных слов в определении синтаксических функций инфинитива и именительного падежа существительного в предикативном сочетании.— Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, т. 204: Рус. язык, вып. 14, 1967, с. 91.

¹² Русская грамматика, т. II, с. 288.

¹³ Современный русский язык, ч. 3: Синтаксис. Пунктуация. Стилистика.— Минск, 1983, с. 114.

¹⁴ Русская грамматика, т. II, с. 121.

МУХАМЕД АБДЕЛЬХАЛИМ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ И ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В ЯЗЫКЕ ГАЗЕТЫ

Особенности функционирования в языке газеты глаголов движения и перемещения могут быть представлены в виде таблицы:

Жанры газеты	Общее количество употреблений глаголов	В прямом значении	В переносном значении и в качестве вторичного синонима	В составе устойчивых синтакс. констр.	В составе устойчивых выражений	В составе фразеологизмов и метафор	В составе штампов и стандартов
Репортаж	203	99	24	17	52	40	11
Спортивный материал	187	34	20	6	67	54	6
Хроникальная информация	146	15	28	8	58	24	13
Передовая статья	35	6	4	1	9	5	10

Как видно из таблицы, глаголы движения и перемещения в пространстве по-разному участвуют в текстообразовании различных жанров газет. Меньше всего, по нашим наблюдениям, употребляются глаголы движения и перемещения в передовой статье, что предопределено самим жанром. Как отмечает Г. Я. Солганик, «значительное преобладание существительных (38, 03) по сравнению с глаголом (10, 70) свидетельствует об именном строе передовой статьи, о принадлежности ее к речи «рассуждающей», публицистической»¹. Значительно чаще употребляются глаголы движения и перемещения в репортаже, который отличается динамичностью, а динамичность в большой мере связана с семантикой глаголов движения. Особое место занимают глаголы движения и перемещения в спортивном материале.

Несмотря на то, что глаголы движения своеобразно функционируют в разных газетных жанрах, есть целый ряд глаголов, употребляющихся во всех газетных жанрах: бежать, вести, вводить, вести, взойти, влететь, возводить, войти, внести, вносить, входить, вывести, выехать, выйти, вылететь, вынести, выносить, выходить, знать, довести, дойти, ездить, ехать, забежать, зайти, заходить, избежать, идти, исходить, лететь, набегать, навести, нанести, наносить, нести, носить, обойти, обходить, ответить, отнести, отходить, перейти, перенести, переехать, побежать, повести, подвести, подходить, подъезжать, подъехать, поехать, пойти, прибегать, привести, приводить, приехать, прийти, принести, приносить, приходить, пробежать, провести, проводить, проехать, пройти, пройти, пронести, проходить, развести, свести, сводить, сойти, сойтись, сходить, сходить, съехать, съехаться, убежать, уйти, уходить, ходить. В разных жанрах преобладают префиксальные образования от пар: бежать — бегать, вести — водить, ехать — ездить, идти — ходить, нести — носить.